

Н.М. Минский

Альма

**Трагедия из современной жизни
в 3-х действиях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М62

М62 **Минский Н.М.**
Альма: Трагедия из современной жизни в 3-х действиях / Н.М. Минский – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 218 с.

ISBN 978-5-517-96189-1

ISBN 978-5-517-96189-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ:

Послѣднее звено.

Дійствующія лица:

Александра Васильевна Лунина (Альма).

Елисавета Васильевна, ея сестра (Вета).

Николай Николаевич Луиниъ (ихъ дядя).

Вячеславъ Ѡаддѣвичъ Стрижъ, докторъ психіатръ.

Софія Семеновна, его жена.

Владиміръ Михайловичъ Будавскій.

Всеволодъ Васильевичъ Сухонинъ.

Варвара Борисовна, его мать.

Няня.

Тихонъ Юнычъ.

При поднятіи занавѣси тяжелыя штофныя гардины, свѣтло-желтаго цвѣта, широко отдернуты; въ окна глядитъ тусклый зимній день. По рылости и сѣрому тону хлопьевъ чувствуется оттепель. На диванѣ, лицомъ къ зрителямъ, лежитъ спящая **Альма**, съ компресомъ на головѣ. У стола сидитъ докторъ **Стрижъ** и читаетъ переплетенную тетрадь; такія-же тетради лежатъ на столѣ. У доктора блѣдное отекшее лицо; онъ видимо борется съ усталостью. Наконецъ, осмотрѣвшись и прислушавшись, онъ быстрымъ движеніемъ вынимаетъ изъ кармана шприцъ и склянку съ жидкостью, разстегиваетъ воротъ рубашки и дѣлаетъ себѣ подкожное впрыскиваніе въ лѣвое плечо. По лицу его разливается румянецъ. Онъ оживленно шагаетъ по комнатѣ, мѣняетъ на головѣ больной компресъ, причѣмъ касается губами ея волосъ, потомъ садится на прежнее мѣсто и погружается въ чтеніе. Осторожно входитъ **Николай Николаевичъ Луинъ** дядя **Альмы**. До пробужденія больной разговоръ идетъ въ полголоса).

Дядя (дѣлаетъ вопросительное движеніе рукой по направлению къ Альмѣ).

Докторъ.

Какъ нельзя лучше. Теперь могу съ увѣренностью сказать: опасность миновала. Это укрѣпительный сонъ послѣ кризиса.

Дядя (садится у стола; указываетъ на дневники).

Прочли? И неужто ни одного намека на причину?

Докторъ.

Ни намека. Это совсѣмъ не такой дневникъ, какъ обыкновенно. О событіяхъ жизни ни слова.

Ни фактовъ, ни именъ. Это дневники только настроеній, мыслей. Дневники незримыхъ событій,— какъ она сама ихъ называетъ. И за двѣ недѣли до отравленія они прекращаются.

Д я д я.

Вы помните, я просилъ васъ, какъ врача, какъ психіатора, прочесть и сказать мнѣ: писано-ли это нормальнымъ или ненормальнымъ человекомъ. (*Перебивая себя.*) Не лучше-ли теперь спрятать тетради? Чтобы не догадалась.

Докторъ.

Вы, кажется, боитесь своей племянницы.

Д я д я.

Обидѣть ее боюсь. Она съ дѣтства привыкла властвовать. Еще при покойномъ братѣ. Что Аля скажетъ, то законъ. Добрая и властная — понимаете? И вдругъ эта катастрофа. Долженъ-же я предпринять что-нибудь.

Докторъ.

Во-первыхъ, ея сестра видѣла, какъ я читалъ тетради и даже попрекнула меня! А во-вторыхъ, я самъ сочту долгомъ объяснить Александрѣ Васильевнѣ—

Д я д я.

Вета видѣла! Ну, тогда конечно... Ужъ какънибудь растолкую. То-же, скажу вамъ, дѣвушка гордая и самовольная. Со стороны смотрѣть—нѣтъ

счастливыѣ этихъ сестеръ. Должны вы знать, что не онѣ у меня, а я, такъ сказать, у нихъ живу. Состояніе имъ отъ покойнаго брата. И богатство, и красота, и все. И вдругъ—отравленіе, самоубійство! Я поэтому васъ, представителя науки, спрашиваю: кѣмъ писанъ дневникъ—человѣкомъ нормальнымъ или ненормальнымъ?

Докторъ (*со странной радостью*).

Не нормальнымъ, во всякомъ случаѣ. (*Спохватившись*.) То есть не въ клиническомъ смыслѣ. Автора этихъ дневниковъ нельзя ни посадить въ лечебницу, ни отдать подъ опеку.

Д я д я.

Что вы! Кто же думаетъ—

Докторъ.

Я такъ къ слову. И все-же она ненормальна. Болѣзнь характера, болѣзнь убѣжденій, болѣзнь нравственнаго чувства—читайте какъ хотите. Вамъ нужно названіе? Скажемъ: эротоманія.

Д я д я.

Что это такое?

Докторъ (*съ увлеченіемъ*).

О, это—болѣзнь самая новѣйшая. Недугъ завтрашняго дня. Изъ десяти современныхъ женщинъ одна эротоманка. Что такое эротоманія? Это—культъ любви, но любви больной и призрачной, любви, которая пуще всего боится удовлетворенія, счастья,

ласки. У эротомана любовь для любви, какъ у скупаго—деньги для денегъ. Что такое скупой? Богатый нищій или нищій-богачъ. Такъ и эротоманки; онѣ вѣчно бродятъ вокругъ да около чувственности, всѣми силами возбуждаютъ чувственность, а потомъ вдругъ отъѣзжаютъ на платонизмѣ. Развратное цѣломудріе, или цѣломудренный развратъ. Ихъ любовь, это—голодь, но такой, который самъ по себѣ пріятнѣе насыщенія. Понимаете?

Д я д я.

Мало понимаю. Но это ничего. Говорите. Я, какъ глухонѣмой. Понимаю только самое простое.

Докторъ.

Чѣмъ вообще разсуждать, лучше прочту вамъ нѣсколько мѣстъ изъ ея-же дневника. Увидите сами. (*Отыскиваетъ въ тетради заложенное мѣсто и читаетъ.*) Ну, хоть бы это. «Борьба за равноправность кажется мнѣ безуміемъ. Зачѣмъ мнѣ, женщинѣ, стремиться быть врачомъ или адвокатомъ или учителемъ, когда я вижу, какую грубую и некрасивую жизнь ведутъ мужчины — врачи и адвокаты и всѣ другіе. Каждый изъ нихъ томится своимъ ремесломъ, художникъ и писатель не менѣе чиновника и ремесленника. Всѣ ищутъ и понимаютъ только самое низкое и грязное счастье—обжорство, пьянство, дешевый развратъ. Исключеніе составляютъ любящіе—на то время, пока они любятъ. И вотъ наше призваніе—зажигать любовь, освѣщать, очищать жизнь любовью. Мы — каста

жрецовъ. Мы однѣ еще умѣемъ заставлять молиться.

Дядя (*разсѣянно*).

Скажите—Мы не мѣшаемъ ей спать?

Докторъ.

О, нѣтъ. А вотъ другое мѣсто (*читаетъ*): «Для того чтобы замѣнить людямъ умершее божество и вернуть имъ забытыя молитвы, нужно быть не только прекрасной, но и недоступной, какъ божество—быть предметомъ недосягаемыхъ желаній. И я не знаю за что больше благодарить мнѣ судьбу—за красоту ли тѣла или за чистоту сердца». Что вы на это скажете?

Дядя.

Вы моложе меня,—вамъ понятнѣе.

Докторъ.

Нѣтъ, послушайте только (*опять читаетъ*): «довольствоваться любовью одного человѣка также странно, какъ довольствоваться исцѣленіемъ одного больного. Всѣхъ, кого судьба приведетъ ко мнѣ, я хочу любовью исцѣлить отъ уродства жизни. Но каждый изъ нихъ хочетъ, чтобы его любовь стала единственной. И я лгу и притворяюсь, но развѣ жрецы всѣхъ времянь не лгали? Ложь, это—калоши, въ которыхъ я перехожу въ бродъ черезъ ихъ безсиліе. Но какъ бы хорошо было, если бы наконецъ пришелъ видящій и понимающій, и сказалъ мнѣ: я не прошу у васъ ни счастья, ни

обѣщанія счастья. Я хочу того, чего другіе боятся. Толкните меня въ бездну, чтобы я вѣчно падалъ, вѣчно замиралъ отъ паденія. Спасите меня отъ скуки удовлетворенія, отъ мукъ пресыщенія, отъ возможности успокоиться, осовѣтъ». Чувствуете-ли вы, сколько вражды въ этихъ словахъ?

Д я д я.

Про вражду какъ будто не было.

Докторъ.

О, вы не понимаете! Женщина современная— врагъ. Она мститъ за прошлое, за гаремное рабство, мало-ли за что. Но до сихъ поръ женщина мстила на половину. Она раззоряла, измѣняла, ссорила, но кому нибудь да приносила счастье, хотя бы мимо-летное. И вотъ явилась эротоманка. Она также прельщаетъ, манитъ, дразнитъ, но когда мужчина падаетъ къ ея ногамъ, она вдругъ поднимаетъ глаза къ небу и начинаетъ говорить о цѣломудріи, о союзѣ душъ. Она разбиваетъ жизни, ничѣмъ не рискуя. Но за то какой возбуждающій ядъ! Подумайте — вѣчное возбужденіе.

Д я д я.

Я думаю, что это все разговорныя мысли.

Докторъ.

Какъ разговорныя мысли?

Д я д я.

Ну, да. Не могутъ же молодые люди такъ-таки прямо сказать другъ другу: давай поженемся. Они